

Е.П. Блаватская

ЧТО В ИМЕНИ? О ТОМ, ПОЧЕМУ ЖУРНАЛ НАЗЫВАЕТСЯ "ЛЮЦИФЕР"

Что в имени? Очень часто в нем содержится больше, чем способен понять непосвященный и может объяснить ученый мистик. Это невидимое, потайное, но очень сильное воздействие, которое каждое имя несет с собой и "оставляет везде, куда оно попадает". Карлейль полагал, что "в именах есть многое, нет, почти все". "Если бы я смог раскрыть влияние имен, которые являются наиболее важными из всех покровов, я был бы вторым великим Трисмегистом", -- пишет он.

Название или имя журнала, посвященного определенной теме, является, таким образом, наиболее важным; ибо это, поистине, то невидимое зерно, из которого либо вырастет "дерево, дающее тень повсюду вокруг", по плодам которого должно судить о природе вызванных им результатов, или оно будет тем деревом, которое будет вянуть и засохнет. Это соображение показывает, что имя данного журнала -- весьма сомнительное для ушей ортодоксального христианина -- не есть результат легкомысленного выбора, но возникло как результат длительного обдумывания его пригодности и было принято как лучший символ из возможных, чтобы наглядно отразить эту тему и ее ожидаемые результаты.

Первая и наиболее важная, если не единственная цель нашего журнала, выражена строками Первого послания к Коринфянам на его титульном листе. Он должен пролить свет на "скрытое во мраке" (IV, 5), показать истинные свойства и подлинное первоначальное значение вещей и имен, людей, их поступков и обычаев; и, в конце концов, он борется с предубеждением, лицемерием и обманом в любом народе, в любом классе общества и в любой области жизни. Эта задача весьма трудоемкая, но она не является ни невыполнимой, ни бесполезной, даже если это всего лишь эксперимент.

Поэтому, для попытки такого рода нельзя было бы найти лучшего названия, чем то, которое было избрано. "Люцифер" -- это бледная утренняя звезда, предвестник ослепительного сияния полуденного солнца -- "Эосфос" греков. Он робко блестит на закате, чтобы накопить силы и слепить глаза после захода солнца, как его собственный брат "Геспер" -- сияющая вечерняя звезда, или планете Венера. Нет более подходящего символа для предложенной работы -- пролить луч истины на все то, что сокрыто во мраке предубеждения, социальных или религиозных заблуждений, а в особенности, благодаря тому идиотскому рутинному образу жизни, который, как только некоторый поступок, некая вещь или имя, были опозорены клеветническим измышлением, сколь бы несправедливо оно ни было, заставляет так называемых *добропорядочных* людей с содроганием отворачиваться от него и отказываться даже просто взглянуть на него с какой-нибудь другой стороны, кроме как с той, которая санкционирована общественным мнением. Поэтому такой попытке заставить малодушных людей взглянуть правде прямо в лицо -- весьма эффективно помогает название, принадлежащее к категории проклятых имен.

Набожные читатели могут возразить, что слово "Люцифер" признано всеми церквями в качестве одного из многочисленных имен дьявола. Согласно величественной фантазии Мильтона, Люцифер -- это *Сатана*, "мятежный" ангел, враг Бога и человека. Но если проанализировать его бунт, то нельзя найти в нем ничего более дурного, чем требование

свободной воли и независимой мысли, как если бы Люцифер родился в XIX веке. Этот эпитет, "мятежный", является теологической клеветой, подобной клеветническим измышлениям фаталистов о Боге, которые делают из божества "Всемогущего" -- дьявола, еще более дурного, чем сам "мятежный" дух; "всемогущего Дьявола, который хочет, чтобы его приветствовали как всемилостивого, когда он проявляет в высшей степени дьявольскую жестокость", -- как говорит Дж. Коттер Морисон. И предвидящий все Бог-дьявол, и подчиненный ему слуга, являются человеческими изобретениями; это две самые омерзительные в нравственном отношении и ужасные теологические догмы, которые когда-либо могли появиться из ночных кошмаров отвратительных фантазий монахов, ненавидящих дневной свет.

Они восходят к эпохе средневековья, тому периоду умственного помрачения, в течение которого было насильственно внедрено в умы людей большинство современных предрассудков и суеверий, так, что они стали практически неискоренимы в некоторых случаях, один из которых и является тем современным предрассудком, который сейчас обсуждается.

Воистину, это предубеждение и отвращение к имени Люцифера -- означающему всего лишь слово "светоносец" (от *lux, lucis*, "свет", и *ferre*, "носить")* -- является столь глубоко укорененным даже среди образованных классов, что принимая его в качестве названия для своего журнала редакторы ясно видели перед собой перспективу длительной борьбы с общепринятым предрассудком. На самом деле, этот предрассудок столь абсурден и смешон, что никто, по всей видимости, никогда не задавал себя вопрос, почему Сатану стали называть *носителем света*, если только серебряные лучи утренней звезды не могли каким-то образом навести на мысль об ослепительном блеске адского пламени. Как доказывает Хендерсон, это есть просто "одно из таких грубых искажений священного писания, которые принадлежат исключительно к стремлению отыскать в данном отрывке большее, чем в нем содержится в действительности, и причину которых всегда следует искать в такой предрасположенности, -- эта склонность вызвана скорее впечатлением, чем смыслом, и слепой верой в полученное истолкование", -- что является не единственной слабостью нашего времени. И тем не менее, этот предрассудок существует, к стыду нашего столетия.

Этому нельзя помочь. Двое издателей выглядели бы изменниками в своих собственных глазах, предателями самого духа намеченной работы, если бы стали они причитать и трусливо плакать перед опасностью. Если кто-либо хочет бороться против предрассудка и открыть отличие уродливой паутины суеверий и материализма от благородных идеалов наших предков, то ему следует приготовиться к сопротивлению. "Корона реформатора и новатора -- это поистине терновый венец". Если кто-то хочет освободить Истину во всей ее непорочной чистоте из того почти бездонного колодца, в который она была заброшена лицемерными и ханжескими правилами приличия, он должен безо всяких колебаний опуститься в темную, зияющую шахту этого колодца. Не имеет значения, сколь плохо могут встретить незванного гостя слепые летучие мыши -- обитатели тьмы, ненавидящие свет -- в своем мрачном жилище, но если он с самого начала не проявит силу духа и мужество, которые он проповедовал другим, то он может быть справедливо назван лицемером и изменником по отношению к своим собственным принципам.

Не успело это название утвердиться, когда первые предупреждения того, что припасено для нас, с смысле противодействия, с которым мы встретимся из-за выбранного названия, появились на нашем горизонте. Один из издателей получил и записал некоторые особо острые возражения. Сцены, которые приводятся далее, являются зарисовками с натуры. I

Знаменитый романист. Расскажите мне о вашем журнале. К какому классу, как вы предполагаете, он обращен?

Издатель. Ни к какому отдельно взятому классу: мы намерены обращаться к публике.

Романист. Я весьма обрадован этим. Ибо я буду относиться к публике, поскольку я совершенно не понимаю вашей проблемы и хотел бы понять ее. Но вы должны помнить, что если ваша публика должна понимать вас, то это неизбежно будет довольно небольшой круг людей. Люди повседневно говорят об оккультизме так же, как они говорят и о многих других вещах, без малейшего понимания того, что они означают. Мы слишком невежественны, и слишком полны предрассудков.

Издатель. Именно. Это именно то, что и вызвало появление нового журнала. Мы предполагаем научить вас и сорвать маску с любого предрассудка.

Романист. Это поистине хорошая новость для меня, ибо я хочу быть образованным. Как называется ваш журнал?

Издатель. "Люцифер".

Романист. Что?! Разве вы собираетесь учить нас греху? Мы достаточно знаем об этом. Падших ангелов несметное число. Вы можете приобрести популярность, ибо запачканные голубки сегодня в моде, в то время как белоснежные ангелы считаются скучными, потому что они не столь забавны. Но я сомневаюсь, что вы способны научить нас многому. II

Один светский человек (*говорит вполголоса, ибо сцена происходит во время званого обеда*). Я слышал, что вы собираетесь начать издание журнала обо всем, что касается оккультизма. Знайте, что я очень рад. Я, как правило, ничего не говорю о таких материях, но в моей жизни случались некоторые странные вещи, которые нельзя объяснить каким-либо обычным способом. Я надеюсь, вы сможете их объяснить.

Издатель. Конечно, мы попытаемся. Мое убеждение состоит в том, что когда оккультизм будет понят в какой-либо степени, его законы будут приняты каждым человеком, как единственное подлинное объяснение жизни.

С. Ч. Совершенно верно, я хочу узнать все об этом, ибо честное слово, жизнь -- это тайна. Существует множество других людей, столь же любопытных, как и я. Это наш век страдает от болезни янки, "желающих знать". Я принесу вам массу подписчиков. Как называется ваш журнал?

Издатель. "Люцифер", -- и (*памятуя о первом опыте*) не поймите неправильно это название. Оно символизирует божественный дух, принесший себя в жертву ради человечества, -- и это Мильтон сделал так, что его стали связывать с дьяволом. Мы являемся заклятыми врагами общепринятых предрассудков, и совершенно очевидно, что мы должны бороться против такого предрассудка, как этот: Люцифер, как вам известно, это утренняя звезда, носитель света...

С. Ч. (*вмешиваясь*). Ох, я знаю все это, -- по крайней мере, я не знаю, но допускаю, что у вас была достаточно веская причина для выбора этого названия. Но ваша первая цель -- это иметь читателей; я полагаю, что вы хотите, чтобы публика покупала ваш журнал. Разве не такова ваша программа?

Издатель. Несомненно.

С. Ч. Хорошо, послушайте совет человека, который знает, что такое жизнь. Не окрашивайте свой журнал с самого начала в ошибочный цвет. Совершенно очевидно, если на мгновение остановиться и подумать о его происхождении и значении, что Люцифер -- это превосходное слово. Но публика не останавливается, чтобы подумать о происхождении и значениях, и первое впечатление является самым важным. Никто не будет покупать журнал, если вы назовете его "Люцифер". III

Светская дама, интересующаяся оккультизмом. Я хотела бы услышать немного больше о новом журнале, потому что я заинтересовала в нем очень много людей, даже при помощи того немногочисленного, что вы сообщили мне. Но я затрудняюсь выразить его действительную цель. Какова она?

Издатель. Попытаться дать немного света тем, кто хочет этого.

С. Д. Хорошо, это очень простой способ выразить это, и это будет весьма полезно для меня. Как следует называть ваш журнал?

Издатель. "Люцифер".

С. Д. *(После паузы).* Вы не можете говорить это всерьез.

Издатель. Почему?

С. Д. Но ассоциации слишком ужасны! В чем может быть цель такого его названия? Это звучит как некая неудачная шутка, высказанная против него его врагами.

Издатель. О, но Люцифер, как вам известно, означает Светоносца; это символ Божественного Духа...

С. Д. Но все это неважно -- я хочу сделать добро вашему журналу и принести ему известность, и вы не можете рассчитывать на то, что я буду вдаваться в объяснения такого рода всякий раз, когда буду упоминать это название! Это невозможно! Жизнь слишком коротка и слишком занята. Кроме того, это вызовет такой плохой эффект: люди сочтут меня педантом и резонером, и тогда я вообще не смогу говорить, потому что я не смогу убедить их. Пожалуйста, не называйте его "Люцифер". Никто не знает о том, что символизирует это слово; сегодня оно означает дьявола, ни больше и ни меньше.

Издатель. Но это совершенно ошибочно, и это один из первых предрассудков, против которых мы собираемся бороться. Люцифер -- это светлый, чистый вестник зари...

Дама (вмешиваясь). Я думала, что вы собирались делать нечто более интересное и более важное, чем обелять мифологических героев. Мы все будем должны вновь ходить в школу, или читать Классический словарь д-ра Смита. И какова же будет польза от всего этого, когда это будет сделано? Я думала, что вы собирались рассказать нам нечто о ваших собственных жизнях и о том, как сделать их лучше. Я полагаю, что о Люцифере писал Мильтон, не так ли? -- но сегодня никто не читает Мильтона. Позвольте нам иметь современное название с каким-нибудь человеческим смыслом, содержащимся в нем. IV

Журналист *(глубокомысленно, и в то же время скручивая себе сигарету).* Да, ваш журнал -- это хорошая идея. Мы все посмеемся над ним, это ясное дело: и мы

раскритикуем его в газетах. Но мы все будем читать его, потому что втайне от других каждый из нас жаждет таинств. Как вы собираетесь назвать его?

Издатель. "Люцифер".

Журналист (*прикуривая*). А почему не "Фузея"? Прекрасное название, и не столь претенциозное.

"Романист", "светский человек", "светская дама" и "журналист", -- все он должны были получить сперва небольшое образование. Некоторое представление о действительном и первоначальном характере Люцифера не принесло бы им никакого вреда и, быть может, могло бы излечить их отчасти от этого нелепого предрассудка. Им следует изучить теогонию их Гомера и Гесиода, если они намерены судить о Люцифере, "Эосфоре и Геспере", прекрасной Утренней и Вечерней звезде. И если есть более полезные занятия в этой жизни, чем "обелять мифологических героев", то клеветать и очернять их -- это, по крайней мере, бесполезно, и кроме того это показывает такую ограниченность ума, которая никого не могла бы украсить.

Возражать против названия "Люцифер" лишь потому, что связанные с ним "ассоциации слишком ужасны", простительно (если это вообще может быть простительно в каком бы то ни было случае) лишь для невежественного американского миссионера какой-нибудь протестантской секты, в котором природная лень и недостаток образования заставляют его оказывать предпочтение тому, чтобы "вспахивать" умы язычников, столь же невежественных, как и он сам, перед более полезным, но много более трудным процессом вспахивания поля на ферме своего собственного отца. Однако, для английских священников, которые получили более или менее классическое образование и, таким образом, предположительно знакомы со всеми тонкостями теологической софистики и казуистики, такого рода возражения совершенно непростительны. Это не только пахнет лицемерием и обманом, но и ставит их на более низкий нравственный уровень, чем тот, который они сами отвели для ангела-изменника. Пытаясь показать теологического Люцифера, падшего из-за идеи о том, что

"Царить, хотя бы и в аду, вот что стремления достойно;
Чем быть слугой на небесах, уж лучше быть главою ада,--

они фактически совершают на практике то предполагаемое преступление, в котором они с радостью обвиняют его. Они предпочитают управлять духом масс при помощи пагубной, темной ЛЖИ, приносящей много зла, чем служить небесам служением ИСТИНЕ. Такая практика достойна лишь иезуитов.

Но их священное писание сразу же опровергает их толкования и их попытку соединить Люцифера, Утреннюю Звезду, с Сатаной. В Откровении, глава XXII, стих 16, говорится: "Я, Иисус... емь корень... и светлая и *Утренняя Звезда*" (orfrinoz, "встающая рано"): отсюда Эосфор, или латинский Люцифер. Позорное значение, которое приписывается этому имени, имеет столь недавнее происхождение, что сама римская церковь вынуждена скрывать теологическую клевету за двухсторонним толкованием -- как обычно. Нам говорят, что Христос -- это "Утренняя Звезда", *божественный* Люцифер, а Сатана, *узурпатор Verbum* [Слова] -- это "адский Люцифер".*² "Великий архангел Михаил, победитель Сатаны, идентичен в язычестве*³ с Меркурием-Митрой, кому, после того как он защитил Солнце (символическое обозначение Бога) от нападения Венеры-Люцифера, было передано владение этой планетой, *et datus est ei locus Luciferi*. И, поскольку архангел Михаил является "ангелом предстояния" и "наместником Слова", он

рассматривается сегодня в римской церкви как регент этой планеты Венеры, которую "узурпировал побежденный дьявол". "*Angelus faciei Dei sedem superbi humilis obtinuit*", -- говорит Корнелий Лапид (том. VI, стр. 229).

Это дает нам объяснение того, почему один из первых пап был назван Люцифером, что доказывает Юнг и церковные сочинения. Таким образом, из этого следует, что название, избранное для нашего журнала, в не меньшей мере связано с божественными и благочестивыми идеями, чем с предполагаемым бунтом героя "Потерянного рая" Мильтона. Выбирая его, *мы пролили первый луч света и истины* на нелепый предрассудок, который не должен иметь места в наш "век фактов и открытий". Мы действуем ради истинной религии и науки, и в интересах факта против вымысла и предрассудка. Это наш долг, так же как обязанность физической науки -- согласно ее миссии -- проливать свет на те факты в природе, которые были до тех пор сокрыты тьмой невежества. И, поскольку невежество по справедливости считается главным покровителем суеверия, эта работа является благородной и полезной. Но естественные науки -- это лишь один из аспектов НАУКИ и ИСТИНЫ. Психологическая и нравственная наука, или теософия, знание божественной истины, на чем бы оно ни было основано, является, все же, более важными в человеческих делах, и подлинная наука не должна ограничиваться просто физической стороной жизни и природы. Наука -- это некая абстракция любого факта, понимание любой истины в сфере человеческого исследования и ума. "Глубокая и точная наука психической философии Шекспира" (Кольридж), оказалась более благотворной для истинного философа в деле изучения человеческого сердца (и, таким образом, содействия истине), чем более точная, но, безусловно, менее глубокая наука любого из членов Королевского Общества.

Однако, тем читателям, которые не чувствуют себя убежденными в том, что церковь не имеет права порочить прекрасную звезду, и что она делает это из-за простой необходимости, связанной с одним из совершенных ею многочисленных заимствований из язычества, со всеми его поэтическими представлениями о природных истинах, мы предлагаем прочитать нашу статью "История одной планеты".*⁴ Возможно, после ее внимательного прочтения они увидят, сколь справедливым было утверждение Дюпюи, что "все теологии происходят из астрономии". Согласно современным ориенталистам, любой миф является *солярным*. Это еще один предрассудок и еще одно предубеждение в пользу материализма и физической науки. И одной из наших обязанностей будет бороться с ним до самого конца.

"Люцифер", сентябрь 1887 г.

*¹ "Григорий Великий первым применил эту фразу из Исаяи, "Как упал ты с неба, Люцифер, сын зари", и т.д., к Сатане, и с тех пор эта смелая метафора пророка, которая относилась, в конце концов, лишь к ассирийскому царю, враждебному к евреям, соотносилась с дьяволом".

*² Записки де Мирвиля для Французской Академии, том IV, где цитируется кардинал де Вентура.

*³ То язычество, которое, казалось бы, в течение долгих тысячелетий заблаговременно копировало христианские догмы.

*⁴ См. "Тайные знания".

